

**Все драматические
произведения А. С. Пушкина**

**С портретом автора и 16
иллюстрациями**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
В84

В84 Все драматические произведения А. С. Пушкина: С портретом автора и 16 иллюстрациями / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 222 с.

ISBN 978-5-458-11925-2

Содержание:

1. Борис Годунов.
2. Скупой рыцарь.
3. Моцарт и Сальери.
4. Каменный гость.
5. Пир во время чумы.
6. Русалка.
7. Сцены из рыцарских времен.

ISBN 978-5-458-11925-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

(1825).

КРЕМЛЕВСКІЯ ПАЛАТЫ.

(1598 года, 20 февраля).

КНЯЗЬЯ ШУЙСКІЙ И ВОРОТЫНСКІЙ.

Воротынскій: Наряжены мы вмѣстѣ городъ вѣ-
Но, кажется, намъ не за кѣмъ смотрѣть: [дать,
Москва пуста; вослѣдъ за патріархомъ
Къ монастырю пошелъ и весь народъ.
Какъ думаешь, чѣмъ кончится тревога?

Шуйскій: Чѣмъ кончится? Узнать немудрено:
Народъ еще повоюетъ да поплачетъ,
Борисъ еще поморщится немного,
Что пьяница предъ чаркою вина,
И наконецъ, по милости своей,
Принять вѣнецъ смиренно согласится,
А тамъ—а тамъ онъ будетъ нами править
По прежнему.

Воротынскій: Но мѣсяцъ ужъ протекъ,
 Какъ, затворясь въ монастырѣ съ сестрою,
 Онъ, кажется, покинулъ все мірское.
 Ни патріархъ, ни думные бояре
 Склонить его доселѣ не могли;
 Не внемлетъ онъ ни слезнымъ увѣщаньямъ,
 Ни ихъ мольбамъ, ни воплю всей Москвы,
 Ни голосу великаго собора.
 Его сестру напрасно умоляли
 Благословить Бориса на державу;
 Печальная монахиня-царица,
 Какъ онъ, тверда, какъ онъ—неумолпма.
 Знать, самъ Борисъ сей духъ въ нее вселилъ.
 Что, ежели правитель въ самомъ дѣлѣ
 Державными заботами наскучилъ
 И на престолъ безвластный не взойдетъ?
 Что скажешь ты?

Шуйскій: Скажу, что понапрасну
 Лилася кровь царевича младенца;
 Что если такъ, Дмитрій могъ бы жить.

Воротынскій: Ужасное злодѣйство! Полно
 Царевича сгубилъ Борисъ? [точно-ль]

Шуйскій: А кто же?
 Кто подкупалъ напрасно Чепчугова?
 Кто подослалъ обоихъ Битяговскихъ
 Съ Качаловымъ? Я въ Угличъ посланъ былъ
 Изслѣдовать на мѣстѣ это дѣло:
 Наѣхалъ я на свѣжіе слѣды—
 Весь городъ былъ свидѣтель злодѣянья,
 Всѣ граждане согласно показали;

И, возвратясь, я могъ единымъ словомъ
Изобличить сокрытаго злодѣя.

Воротынскій: Зачѣмъ же ты его не уничтожилъ?

Шуйскій: Онъ, признаюсь, тогда меня смущеніемъ, безстыдностью неожиданой; [тѣмъ
Онъ мнѣ въ глаза смотрѣлъ, какъ будто правый:
Разспрашивалъ, въ подробности входилъ—
И передъ нимъ я повторилъ нелѣпость,
Которую мнѣ самъ онъ нашепталъ.

Воротынскій: Нечисто, князь.

Шуйскій: А что мнѣ было дѣлать?
Все объявить Θεодору? Но царь
На все глядѣлъ очами Годунова,
Всему внималъ ушами Годунова:
Пускай его бѣ увѣрилъ я во всемъ—
Борись тотчасъ его бы разувѣрилъ,
А тамъ меня-жъ сослали бѣ въ заточенье,
Да въ добрый часъ, какъ дядю моего,
Въ глухой тюрьмѣ тихонько бѣ задавили.
Не хвастаюсь, а въ случаѣ, конечно,
Никая казнь меня не устрасить;
Я самъ—не трусь, но также—не глупецъ,
И въ петлю лѣзть не соглашуся даромъ.

Воротынскій: Ужасное злодѣйство! Слушай,
Губителя раскаянье тревожить: [вѣрно,
Конечно, кровь невиннаго младенца
Ему ступить мѣшаетъ на престолъ.

Шуйскій: Перешагнетъ; Борисъ не такъ-то робокъ!
Какая честь для насъ, для всей Руси! [бокъ!

Вчерашній рабъ, татаринъ, зять Малиуты,
Зять палача и самъ въ душѣ палачъ,
Возьметъ вѣнецъ и бармы Мономаха...

Воротынскій: Такъ родомъ онъ не знатенъ —

Шуйскій: Да, кажется. [мы знатиѣе.

Ворот.: Вѣдь Шуйскій, Воротынскій...

Легко сказать — природные князья.

Шуйскій: Природные, и Рюриковой крови.

Воротынскій: А слушай, князь, вѣдь мы бъ
Наслѣдовать Θεодору. [имѣли право

Шуйскій: Да, болѣ,

Чѣмъ Годуновъ.

Ворот.: Вѣдь въ самомъ дѣлѣ!

Шуйскій: Что жь?

Когда Борисъ хитрить не перестанетъ,

Давай народъ искусно волновать;

Пускай они оставятъ Годунова:

Своихъ князей у нихъ довольно — пусть

Себѣ въ цари любого изберутъ.

Воротынскій: Не мало насъ, наследниковъ
[варяга,

Да трудно намъ тягаться съ Годуновымъ:

Народъ отвыкъ въ насъ видѣть древню отрасль

Воинственныхъ властителей своихъ —

Уже давно лишились мы удѣловъ,

Давно царямъ подручниками служимъ,

А онъ умѣлъ и страхомъ, и любовью,

И славою народъ очаровать.

Шуйскій (глядитъ въ окно): Онъ смѣлъ, вотъ

[все—а мы.... Но полно. Видишь,

Народъ идетъ, разсыпавшись, назадъ—
 Пойдемъ скорѣй, узнаемъ: рѣшено ли?

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ.

НАРОДЪ.

Одинъ: Неумолимъ! Онъ отъ себя прогналъ
 Святителей, бояръ и патріарха.
 Они предъ нимъ напрасно пали ницъ;
 Его страшитъ сіяніе престола.

Другой: О Боже мой, кто будетъ нами пра-
 О горе намъ! [вить?

Третій: Да вотъ верховный дьякъ
 Выходитъ намъ сказать рѣшеніе Думы.

Народъ: Молчать! молчать! Дьякъ думный го-
 Ш-ш—слушайте! [ворить;

Щелкановъ (съ Краснаго крыльца): Собо-
 ромъ положили

Въ послѣдній разъ отвѣдать силу просьбы
 Надъ скорбною правителя душой:
 Заутра вновь святѣйшій патріархъ,
 Въ Кремлѣ отпѣвъ торжественно молебень,
 Предшествуемъ хоругвями святыми,
 Съ иконами Владимірской, Донской,
 Воздвижется, а съ нимъ синклитъ, бояре,
 Да сонмъ дворянъ, да выборные люди
 И весь народъ московскій православный,
 Мы всѣ пойдемъ молить царицу вновь,
 Да сжалится надъ сирогою Москвою
 И на вѣнецъ благословитъ Бориса.
 Идите же вы съ Богомъ по домамъ,

Молитесь, да въздѣтъ къ небесамъ
Усердная молитва православныхъ. (Народъ расхо-
[дится]).

ДѢВИЧЬЕ ПОЛЕ.

НОВОДѢВИЧІЙ МОНАСТЫРЬ. НАРОДЪ.

Одинъ: Теперь они пошли къ царицѣ въ
Туда вошли Борисъ и патріархъ [келью;
Съ толпой бояръ.

Другой: Что слышно?

Третій: Все еще
Упрямится; однако есть надежда.

Баба (съ ребенкомъ): Агу! не плачь, не плачь!

Вотъ бука, бука

Тебя возьметъ! Агу, агу... не плачь!

Одинъ: Нельзя ли намъ пробраться за ограду?

Другой: Нельзя. Куды! и въ полѣ даже
Не только тамъ. Легко ли? Вся Москва [тѣсно,
Сперлася здѣсь. Смотри: ограда, кровли,
Всѣ ярусы соборной колокольни,
Главы церквей и самые кресты
Унизаны народомъ.

Первый: Право, любо!

Одинъ: Что тамъ за шумъ?

Другой: Послушай... что за шумъ?

Народъ завылъ: тамъ падаютъ, что волны,
За рядомъ рядъ... еще! еще... Ну, братъ,
Дошло до насъ: скорѣе на колѣна!

Народъ (на колѣнахъ; вой и плачь): Ахъ, смн
луйся, отецъ нашъ! Властвуй нами!

Будь нашъ отецъ, нашъ царь!

Одинъ (тихо): О чемъ тамъ плачутъ?

Другой: А какъ намъ знать? То вѣдаютъ
Не намъ чета. [бояре—

Баба (съ ребенкомъ): Ну, что-жь? какъ
надо плакать,

Такъ и затихъ! Вотъ я тебѣ!... вотъ бука!

Плачь, баловень! (Ребенокъ плачетъ) Ну, то-то же!

Одинъ: Всѣ плачутъ—
Заплачемъ, братъ, и мы!

Другой: Я сплюсь, братъ,
Да не могу.

Первый: Я также. Нѣтъ-ли луку?
Потремъ глаза.

Другой: Нѣтъ, я слюной помажу.
Что тамъ еще?

Первый: Да кто ихъ разберетъ!

Народъ: Вѣнецъ за нимъ! онъ—царь! онъ
согласился!..

Борисъ—нашъ царь! да здравствуетъ Борисъ!

КРЕМЛЕВСКИЯ ПАЛАТЫ.

БОРИСЪ, ПАТРИАРХЪ, БОЯРЕ.

Борисъ: Ты, отче патриархъ, вы всѣ бояре!
Обнажена душа моя предъ вами:
Вы видѣли, что я приѣмлю власть
Великую со страхомъ и смиреньемъ.
Сколь тяжела обязанность моя!
Наслѣдую могущимъ Іоаннамъ—

Наслѣдую я ангелу-царю!..

О праведникъ, о мой отецъ державный!
Воззри съ небесъ на слезы вѣрныхъ слугъ
И ниспошли тому, кого любилъ ты,
Кого ты здѣсь столь дивно возвеличилъ.
Священное на власть благословенье:
Да правлю я во славѣ свой народъ,
Да буду благъ и праведенъ, какъ ты.

Отъ васъ я жду содѣйствія, бояре,
Служите мнѣ, какъ вы ему служили,
Когда труды я ваши раздѣлялъ,
Не избранный еще народной волей.

Бояре: Не измѣнимъ присягѣ, нами данной.

Борись: Теперь пойдемъ, поклонимся гробамъ
Почіющихъ властителей Россіи,
А тамъ—сзывать весь нашъ народъ на пиръ.
Всѣхъ, отъ вельможъ до нищаго слѣпца:
Всѣмъ вольный входъ, всѣ—гости дорогіе.
(Уходить; за нимъ и бояре).

Воротынскій: (останавливая Шуйскаго). Ты уга-
[далъ.

Шуйскій: А что?

Воротынскій: Да здѣсь, намедни,
Ты помнишь?

Шуйскій: Нѣтъ, не помню ничего.

Воротынскій: Когда народъ ходилъ въ Дѣ-
Ты говорилъ... [вицье поле,

Шуйскій: Теперь не время помнить,
Совѣтую порой и забывать.
А впрочемъ я злословіемъ притворнымъ

Тогда желалъ тебя лишь испытать,
 Вѣрнѣй узнать твой тайный образъ мыслей;
 Но встѣ народъ привѣтствуетъ царя—
 Отсутствіе мое замѣтить могутъ—
 Иду за нимъ.

Воротыпскій: Лукавый царедворецъ!

НОЧЬ. КЕЛЛЯ ВЪ ЧУДОВОМЪ МОНАСТЫРЬ.

(1603 года).

ОТЕЦЪ ПИМЕНЪ, ГРИГОРІЙ (спящій).

Пименъ (пишетъ передъ лампадой): Еще одно,
 [последнее сказанье—

И лѣтопись окончена моя,
 Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога
 Мнѣ, грѣшному. Недаромъ многихъ лѣтъ
 Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ
 И книжному искусству вразумилъ:
 Когда нибудь монахъ трудолюбивый
 Найдеть мой трудъ усердный, безыменный;
 Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду,
 И пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ,
 Правдивыя сказанья перепишетъ,—
 Да вѣдають потомки православныхъ
 Земли родной минувшую судьбу,
 Своихъ царей великихъ поминають
 За ихъ труды, за славу, за добро;
 А за грѣхи, за темныя дѣянья
 Спасителя смиренно умоляютъ.

На старости я сызнова живу;
 Минувшее проходить предо мною....
 Давно-ль оно неслось событий полно,
 Волнуясь, какъ море-окіанъ?
 Теперь оно безмолвно и спокойно:
 Немного лицъ мнѣ память сохранила,
 Немного словъ доходить до меня,
 А прочее погребло неозвратно!...
 Но близокъ день, лампада догораетъ—
 Еще одно, послѣднее сказанье. (Пишетъ).

Григорій (пробуждается): Все тотъ же сонъ!
 [Возможно-ль? Въ третій разъ!
 Проклятый сонъ!... А все передъ лампадой
 Старикъ сидитъ да пишетъ—и дремотой,
 Знать, во всю ночь онъ не смыкалъ очей.
 Какъ я люблю его спокойный видъ,
 Когда, душой въ минувшемъ погруженный,
 Онъ лѣтопись свою ведетъ; и часто
 Я угадать хотѣлъ, о чемъ онъ пишетъ:
 О темномъ ли владычествѣ татаръ?
 О казняхъ ли свирѣпыхъ Іоанна?
 О бурномъ ли новгородскомъ вѣчѣ?
 О славѣ ли отечества? Напрасно!
 Ни на челѣ высокомъ, ни во взорахъ
 Нельзя прочесть его сокрытыхъ думъ;
 Все тотъ же видъ—смиранный, величавый....
 Такъ точно дыякъ, въ приказахъ посѣдѣлый,
 Спокойно зрить на правыхъ и виновныхъ,
 Добру и злу внимая равнодушно,
 Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.